

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL EXECUTIVE LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73
УДК 343.8

Дата: поступления статьи / Submitted: 14.02.2020
после рецензирования / Revised: 08.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

Т. И. Егорова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: madamti62@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация: В данной статье анализируются проблемы реализации лишения свободы. Автором исследуются вопросы оснований назначения рассматриваемого наказания, исправительного значения изоляции, обеспечения в связи с этим правопорядка и безопасности. Актуальность темы обусловлена наличием в российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве проблем относительно понимания сферы принудительного воздействия лишения свободы, которое в первую очередь касается частных интересов осужденных, находящихся в условиях лишения и существенного ограничения части прав и свобод. В статье затрагиваются вопросы дифференцированного применения режимных и воспитательных мероприятий, их содержания и практической значимости с учетом сочетания принудительных компонентов, в частности ограничения свиданий, телефонных разговоров, приобретения продуктов питания, получения посылок, передач и бандеролей, иных социально значимых интересов. Автором подтверждается гипотеза о том, что нахождение осужденных в условиях изоляции в исправительном учреждении не только обеспечивает физическое устранение от возможности совершить преступление, но и создает условия для обеспечения эффективности наказания.

Ключевые слова: наказание в виде лишения свободы, эффективность, механизм реализации, принуждение, режимные мероприятия, дисциплинарные меры, изоляция, ресоциализация.

Цитирование. Егорова Т. И. Содержание уголовно-правового механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 70–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

T. I. Egorova

Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia,
Ryazan, Russian Federation
E-mail: madamti62@yandex.ru

CONTENT OF THE CRIMINAL-LEGAL MECHANISM OF REALIZATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Abstract: This article analyzes the issue of implementation of deprivation of liberty. The author investigates the issues of the grounds for the appointment of the considered punishment, the correctional value of isolation, law enforcement and security. The relevance of the issue is due to the presence in the Russian criminal and criminal executive legislation of problems regarding to the understanding of the sphere of coercive influence of deprivation of liberty, which primarily concerns the private interests of convicts in conditions of deprivation and significant restrictions of rights and freedoms. The paper deals with the issues of differentiated application of regime and educational measures, their content and practical significance, taking into account the combination of forced components, in particular, restrictions on visits, telephone conversations, the purchase of food, receiving parcels, transfers and parcels, and other socially significant interests. The author confirms the hypothesis that the presence of convicts in isolation in a correctional institution provides not only physical elimination from the opportunity to commit a crime, but also creates conditions for ensuring the effectiveness of punishment.

Key words: punishment in the form of imprisonment, efficiency, mechanism of implementation, coercion, regime measures, disciplinary measures, isolation, resocialization.

Citation. Egorova T. I. *Soderzhanie ugolovno-pravovogo mekhanizma realizatsii nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Content of the criminal-legal mechanism of realization of punishment in the form of imprisonment]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 70–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Татьяна Игоревна Егорова – кандидат юридических наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров, старший преподаватель кафедры уго-

© Tatiana I. Egorova – Candidate of Legal Sciences, Doctoral Student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, senior lecturer of the Department of

ловного права, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ». Автор и соавтор более 50 научных работ, в том числе коллективной монографии «Личность осужденного» (2017)

Область научных интересов: проблемы теории и практики уголовного права и уголовно-исполнительного права.

Регулирование сферы отношений, связанных с наказанием в виде лишения свободы, весьма многопланово. Очевидно, что оно осуществляется преимущественно с помощью нормативно-правового регулирования, которое в большей степени касается внешних проявлений поведения осужденных. Однако отсутствие свободы передвижения и ограничение свободы выбора ущемляют и интимные интересы конкретной личности. Установление формально определенных правил применения наказания в виде лишения свободы неизбежно связано с уточнением сферы общественных отношений, нуждающихся в ограничении.

Особенность механизма уголовно-правового регулирования в данном случае выражена, в частности, в моменте возникновения публичных правоотношений между государством и личностью. Вторжение государства в частную жизнь осужденного осуществляется на основании юридического факта – привлечения к ответственности в различных формах реализации, среди которых назначение и исполнение наказания в виде лишения свободы является одной из наиболее чувствительных.

Законодатель связывает возможность назначения наказания в виде лишения свободы в первую очередь с кругом преступлений и обстоятельствами их совершения (ч. 1, 5 ст. 56 УК РФ). Судебная практика свидетельствует о назначении лишения свободы в основном за совершение тяжких и особо тяжких посягательств. Также дифференцирующее значение имеют социально-демографические и уголовно-правовые характеристики личности самого осужденного. Особые правила назначения наказания в виде лишения свободы применяются к лицам, совершившим рецидив преступления (ст. 18 УК РФ), женщинам и мужчинам, достигшим шестидесятипятилетнего возраста (ст. 57, 58 УК РФ); несовершеннолетним (ст. 87 УК РФ).

Таким образом, необходимость применения именно лишения свободы определяется совокупностью субъективно-объективных факторов, связанных с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, личностью виновного, а также карательных возможностей пенитенциарной системы, обладающей разнообразными средствами социального контроля [1, с. 15; 2, с. 21].

Наказание, которое по смыслу ч. 1 ст. 43 УК РФ, является мерой принуждения, затрагивает общий статус осужденного с его личными, социально-экономическими и публичными правами,

Criminal Law, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, 1, Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal liability for illegal manufacture, acquisition, storage, transportation, transfer or sale of narcotic drugs or psychotropic substances». Author and coauthor of more than 50 scientific works, including monograph: «Personality of the convict» (2017).

Research interests: problems of the theory and practice of criminal law and penal law.

свободами, обязанностями и законными интересами. Их содержание отражает внешнюю сторону частной жизни осужденного, лишенного свободы.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность вторжения объективного права в частные интересы в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, обеспечение его уголовно-правовыми средствами, в том числе и государственным принуждением. Можно согласиться с мнением Ю. С. Жарикова, что в данном случае можно говорить не о правовом регулировании, а «об охране общественных отношений посредством права» [3, с. 121].

Претерпевание негативных последствий совершеного преступления представляет собой акт справедливого воздаяния государством за нарушение спокойствия и безопасности в обществе в связи с противоправным поведением. Лицо, совершившее преступление, помещается в условия изоляции, вовлекается в особые публичные правоотношения, возникшие в связи с уголовной ответственностью.

Интенсивность исправительного воздействия, оказываемого на осужденного в условиях исправительного учреждения, зависит от вида режима. Вместе с тем при отбывании наказания возможно изменение объема кары. При этом учитываются тенденции поведения осужденного, выраженные в трудовой деятельности и соблюдении режимных требований; состояние его здоровья.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. [5] в этой связи подчеркивают, что страдания, испытываемые осужденным при применении мер, изолирующих правонарушителя от окружающего мира, возникают в связи с отнятием у него права на самоопределение при лишении свободы. Следовательно, правоограничения, установленные в условиях изоляции, составляют содержание рассматриваемого наказания. Интенсивность их применения, соответствующая различным видам исправительных учреждений, обеспечивает возможность достижения целей наказания.

Прежде всего чувствительным элементом принуждения при исполнении лишения свободы являются режимные мероприятия и меры воспитательного дисциплинарного характера, применяемые к осужденным. Указанные направления воздействия могут проявляться с различной степенью интен-

сивности в зависимости от вида исправительного учреждения и личности осужденного. Индивидуализация исполнения наказания при этом выражается во взаимодействии режима и дисциплины, при котором могут изменяться условия отбывания наказания в сторону смягчения или ужесточения.

Внутреннее переживание изоляции, отсутствие свободы общения, выбора сферы деятельности предполагают рассмотрение процесса исполнения наказания в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности системы правовых норм, основанных на применении достаточного принуждения со стороны государства и сохранении возможной свободы самореализации личности осужденного. В связи с этим Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 [6], в основном сохраняют за осужденным, отбывающим наказание в условиях применения любого вида дисциплинарного взыскания (ШИЗО, ПК, ЕПКТ, строгих условий), возможность пользования библиотекой, участия в культурно-массовых мероприятиях и так далее. Хотя, конечно, применение указанных взысканий помимо изменения условий изоляции подразумевает и иные ограничения: свиданий, телефонных разговоров, приобретения продуктов питания, получения посылок, передач и бандеролей. Кроме того, дисциплинарная практика учитывается при рассмотрении иных вопросов исполнения наказания, например условно-досрочного освобождения.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности существует определенный недостаток перечня мер дисциплинарного воздействия. Так, например, для лиц, находящихся в изоляции, существенной является возможность самореализации в информационном и финансовом пространстве. Ограничения просмотра телевизионных приемников и расходования денежных средств, находящихся на лицевых счетах, не предусмотренные современным законодательством, представляются достаточно действенными самостоятельными мерами возможного дисциплинарного воздействия.

Широкая правовая регламентация режима и внутреннего распорядка исправительных учреждений позволяют оказывать на личность наибольшее воздействие, в том числе путем принуждения, для позитивного изменения свойств личности.

Безусловно, лишение свободы предполагает пенитенциарную социализацию или адаптацию осужденных к условиям исправительного учреждения. Однако указанный процесс нередко связан с дезадаптацией и аутоагрессией осужденных. Психологическая конфронтация зачастую возникает в связи с одновременным воздействием факторов принудительного исполнения наказания и конфликтного пространства в местах лишения свободы [7, с. 12].

Наказание, не преследуя целей причинения страданий и унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ), является мерой государственно-

го принуждения, реализация которой не зависит от воли осужденного. Изменение волевых характеристик личности основывается на осознании осужденным необходимости правопослушного поведения и уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Лишение свободы обладает большим потенциалом для осмысления осужденным своего поведения и последующего исправления, основным критерием которого является «правопослушное поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений» [8, с. 68].

Принудительный характер лишения свободы, постоянное пребывание осужденных в коллективе, отсутствие свободного выбора линии поведения довольно быстро приводят осужденных в особое психологическое состояние, способствующее формированию раскаяния в совершении общественно опасного деяния. Данное состояние предполагает осознание своей вины, переживание по поводу совершения общественно опасного деяния и исправления своего поведения, проявляющихся в правопослушном поведении.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., рассматривая лишение свободы в качестве публично-правового средства для защиты «общества и предотвращения угрожающих обществу преступлений», связывают его превентивное значение прежде всего с исправлением осужденного. Оценка указанного состояния может основываться на признаках, при которых «по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование» (п. 58). В этой связи подтверждается тезис о том, что направление осужденного в исправительное учреждение и его изоляция, которая реализуется путем физического устранения осужденного от возможности совершить преступление, является лишь условием обеспечения эффективности наказания.

Исправительный потенциал принуждения в условиях лишения свободы связан с неотвратимостью государственного реагирования на нарушение порядка отбывания наказания, обеспечением взаимного проникновения педагогических приемов применения дисциплинарных мер с модификациями режима.

Окончательный результат реализации механизма лишения свободы направлен на интеграцию осужденного в правовую систему общества, использование возможностей пенитенциарного процесса для социальной реабилитации и ресоциализации осужденных [9, с. 144].

Таким образом, лишение свободы имеет огромный карательный потенциал. В связи с этим перспективным представляется максимальное ограничение возможности назначения данного вида наказания в законодательстве и правоприменительной практике.

При этом длительность лишения свободы, соответствующая определенному судом сроку наказания, должна позволять обеспечить достижение целей правового регулирования, выраженного в конкретном правопослушном поведении осужденных. В этих условиях четкая правовая регламентация порядка и условий исполнения наказания, применения комплекса режимных и дисциплинарных мероприятий в сфере обеспечении безопасности и правопорядка является важным условием формирования у осужденных чувства права.

Эффективность исполнения лишения свободы имеет существенное значение для обеспечения правопорядка и осуществления постсудебных процедур производства в части условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким, а также, например, для последующего привлечения к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (eds). *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p.
2. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New York, Mosaic Press, 1989. 166 p.
3. Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. Москва, 2009.
4. Головастова Ю. А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений: монография. Рязань, 2010. URL: <https://b-ok.cc/book/5484801/6f9c91>.
5. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России [от 16 декабря 2016 г. № 295] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2019).
6. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты в г. Женеве 30.08.1955 // *Международ. защита прав и свобод человека: сб. док.* Москва, 1990. С. 290–311. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.
7. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Т. 4. № 2. С. 65–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73>.
8. Андреев Н. А. Социология исполнения уголовных наказаний. Москва, 2001.
9. Адоевская О. А. О Возможности и пределах учета международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // *Юридический вестник Самарского*

университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 68–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-68-72>.

References

1. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (eds). *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p. [in English].
2. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New York, Mosaic Press, 1989, 166 p. [in English].
3. Zharikov Yu. S. *Ugolovno-pravovoe regulirovanie i mekhanizm ego realizatsii* [Criminal regulation and the mechanism for its implementation]. Moscow, 2009 [in Russian].
4. Golovastova Yu. A. *Osuzhdenny kak sub"ekt ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy: monografiya* [Convicted as a subject of criminal-executive legal relations: monograph]. Ryazan, 2010. Available at: <https://b-ok.cc/book/5484801/6f9c91> [in Russian].
5. *Pravila vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy: prikaz Minyusta Rossii [ot 16 dekabrya 2016 g. № 295]* [Internal regulations of correctional institutions: order of the Ministry of Justice of Russia [dated December 16, 2016 № 295]]. *The official Internet portal of legal information*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 27.09.2019) [in Russian].
6. *Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi: prinyaty v g. Zheneve 30.08.1955* [Minimum standard rules for the treatment of prisoners: adopted in Geneva 30.08.1955]. In: *Mezhdunar. zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dok.* [International protection of human rights and freedoms: collection of documents]. Moscow, 1990, pp. 290–311. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml [in Russian].
7. Seliverstov V. I. *Ispravitel'naya doktrina i ee vliyanie na polozhenie lits, osvobodennykh ot otbyvaniya nakazaniya* [Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 65–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73> [in Russian].
8. Andreev N. A. *Sotsiologiya ispolneniya ugolovnykh nakazaniy* [Sociology of execution of criminal sentences]. Moscow, 2001. [in Russian].
9. Adoevskaya O. A. *O vozmozhnosti i predelakh ucheta mezhdunarodnogo opyta resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [On the possibility and limits of taking into account the international experience of the resocialization of prisoners sentenced to the deprivation of liberty]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 1, pp. 68–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-68-72> [in Russian].